

*Война в Афганистане и феминистские страсти.
Чего хотят женщины*

Шэрон Лернер

Год назад, когда Хибак Осман, борец за мир и права женщин, выступала в Организации Объединенных Наций, она приводила ровно одну причину, по которой применение военной силы может быть оправдано в отношении Афганистана — она говорила о смещении тиранического режима Талибан. Однако теперь, когда кровавые акции идут полным ходом, Осман, которая возглавляет Центр Стратегических Инициатив в Вашингтоне, придерживается совсем другого мнения.

«Когда я говорила это, я всего лишь выдвигала гипотезу, — напоминает обескураженная Осман. — То, давнее утверждение было своего рода тестом на верность феминистским идеям. Тогда мы сообща смотрели наш самый страшный ночной кошмар — мы видели афганских женщин, низведенных до положения животных, женщин, которых казнили публично. И это зрелище склоняло нас к радикализму. Все это настолько возмущало нас, что мы даже рассматривали идею военного вмешательства. Однако поддерживаю ли я войну теперь? — Осман делает паузу, вспоминая о своей родной стране, о Сомали, с ее чудовищной историей, прежде чем ответить на свой же собственный вопрос эмоциональным — Нет, нет и нет. Война — это не выход, ни при каких обстоятельствах!». Наконец Осман подытоживает: «Все это просто терзает меня».

Военная операция в Афганистане, которая продолжается уже четыре недели, поставила феминисток перед мучительной дилеммой. Во время общения

Перевод с английского Яны Боцман.

Примечание редакции: Данный текст Шэрон Лернер (Sharon Lerner) был опубликован в The Village Voice # 144 (первая неделя ноября) под названием «Feminists Agonize Over War in Afghanistan. What Women Want», на сайте Village Voice (<http://www.villagevoice.com/issues/0144/lerner.php>) и также активно рассылался по феминистским электронным сетям, благодаря чему — повторив судьбу предыдущего текста — стал доступен и нам.

на животрепещущие темы, во время e-mail переписки с различными людьми, как с земляками, так и по всему миру, феминистки обнаруживали свой лагерь разделившимся надвое, когда заходила речь о том, как следует поступать с наиболее мизогинистичным режимом в истории. Сейчас же многие чувствуют себя очень дискомфортно, когда альянс богатых и благополучных наций бомбит бедную и к тому же и без того разоренную страну — и дискомфорт этот питается уверенностью, что в каждой войне, каковой бы она ни была, женщин всегда гибнет больше, чем мужчин. По мере того, как возрастала национальная лояльность, простимулированная последними событиями, феминистки пытались примирить свой патриотизм с искренним желанием помогать женщинам по всему земному шару.

Возможно, наиболее фрустрирующим событием в этой долгой истории стала неспособность мирового сообщества принять во внимания настойчивые предупреждения феминисток касательно режима Талибан, который подвергался порицанию со стороны последних с тех пор, как захватил власть в стране в 1996. Например, в соответствии с правилами, обнародованными фундаменталистской народной армией, женщина может быть публично казнена за такие «преступления», как путешествие в обществе мужчины, который не является ее родственником (только лишь на одном этом основании женщине уже может быть предъявлено обвинение в измене). Режим Талибан запретил женщинам работать, получать образование и даже медицинское обследование женщин докторами-мужчинами стало незаконным. Женщинам было запрещено даже издавать звуки при ходьбе (поскольку звуки эти, согласно законодателям Талибан, привлекают внимание мужчин).

Еще в 1997 лидер движения «Феминистское Большинство» Элеанор Смил была среди первых, кто высказал тревогу насчет бесчеловечного обращения с афганскими женщинами, побуждая США не давать дипломатического признания режиму Талибан и призывая правительство США прервать строительство трубопровода через Афганистан, каковое могло бы принести миллионы этому кровавому режиму. В конечном итоге проект строительства трубопровода был приостановлен, но другие предложения феминистской группы, включая декларацию о необходимости признания режима Талибан международной террористической организацией, стали выполняться лишь теперь.

Наверное, неудивительно, что некоторые феминистки, включая Смил, теперь чувствуют, что ретроградский, тиранический режим Талибан получил по заслугам. Редчайшее совпадение интересов феминисток и военного ведомства сделало возможным особенно теплые отношения между представителями тех и других в телестудии Эн-Би-Си в Лос-Анжелесе, когда Смил встречалась сразу с тремя генералами в студии передачи Криса Мэтью «Hardball».

«Речь шла о роли женщины в этой военной операции, а также о том, насколько это важно теперь — чтобы женщины были представлены на каждом

уровне в военно-воздушных и в военно-морских силах», — заявила Смил, которой, конечно, сразу придала энтузиазма мысль о женщине, управляющей истребителем F-16. «Это война отличается от других», — заявила она, вторя президентской оценке операции в Афганистане.

И на самом деле, гендерный разрыв, продемонстрированный социологическими опросами, предпринятыми ради изучения уровня поддержки населением данной военной кампании, сейчас на удивление низок. История показывает, что число женщин, одобряющих войну, традиционно на 10–15 процентов ниже, чем число мужчин (такая цифра вырисовывается из исследования Джошуа Гольдстейна, автора работы «Война и гендер: как гендер формирует военную систему и наоборот»). Однако последние исследования показали, что в поддержку афганской кампании высказалось 79 процентов женщин и 86 процентов мужчин. Этот процентный паритет, по мнению Гольдстейна, как раз и демонстрирует тот факт, что на сей раз режим Талибан был предан анафеме даже миролюбивыми женщинами.

Однако, и сейчас найдется немало женщин, не желающих конвертировать свое порицание в отношении режима Талибан в поддержку военных действий США. Военно-воздушная операция США против Афганистана и начавшаяся сухопутная операция, которые, в зависимости от того, как считать, уже привели к разрушению от нескольких дюжин до почти тысячи гражданских объектов, сильно конфликтуют с феминистской гуманистической чувствительностью. Некоторые высказывают тревогу по поводу того, что бомбежки еще более ухудшат и без того отвратительное положение афганских женщин, каковыми, кстати, являются 70 процентов афганских беженцев.

Феминистки также высказывают и вполне прагматические аргументы: ни американские ракеты, ни солдаты не свергнут Талибан. «Я всей душой мечтаю о падении режима Талибан. Однако я не думаю, что военные США могут осуществить мою мечту», — говорит писательница Сьюзан Зонтаг, чья статья от 18 сентября в журнале «Нью-Йоркер» задала тон критике военной политики США. Выбор стоит вовсе не так: «или бомбы, или ничего не делать», — утверждает Зонтаг, которая, впрочем, не считает себя пацифисткой. «Мир — очень сложное место. Мы можем оказывать давление на своих союзников, мы можем, наконец, раздавать взятки или награды...»

Миролюбивую позицию также занимают и «Мировое Сестринское Объединение Против Терроризма и Войны», организация, в которую входит около 80 феминисток, включая женщин из Центральной Азии, а также такие знаменитые в США женщины, как Глория Стейнем, Элис Волкер, Сьюзан Шарондон. В петиции, озаглавленной «Не от нашего имени», группа делает следующее заявление: «Мы не станем поддерживать бомбежки или вторжение США в Афганистан, поскольку единственное, к чему это способно привести — это к ухудшению положения и без того страдающих людей, к повышению уровня

всеобщей ненависти, а ведь именно ей идеологически подпитываются террористы».

В то время как эти формулировки оставляют открытой возможность поддержки спонсируемой ООН военной интервенции, — что многие считают более приемлемым, чем независимые действия сил США и Великобритании — даже их достижение заняло несколько дней пулеметного огня e-mail-ов и виртуозных переговоров. Однако вопросы по поводу будущего Афганистана еще более болезненны.

Недавно Сунита Мента и Фатима Данишгар основали фонд «Женщины для Афганских Женщин» — это первое «низовое» объединение женщин из Афганистана и их нью-йоркских соседок. Обе они были среди дюжин других феминисток на митинге, который собрался на Манхэттане, на квартире у Ив Энслер и был посвящен событиям 11 сентября. Но Мента, хоть и приехала из Афганистана, является индианкой по национальности, а Данишгар, которой теперь 23 года, покинула Афганистан в возрасте девяти лет. Они обе, однако, восприняли коллизию «США против их страны» куда более болезненно, чем большинство американцев, однозначно отреагировавших на теракты.

«Мы одновременно и американки, и афганки, — поясняет Мента. — Поэтому проблемы страны, которую вот-вот будут бомбить, мы принимаем очень близко к сердцу». Эта боль, помноженная на превосходное знание истории и политики, склоняет ее к тому, чтобы критически осмыслить наиболее утопические мечтания западного феминизма. Например, когда некоторые из бывших на митинге феминисток всерьез говорили о том, что Революционная Ассоциация Женщин Афганистана должна взять власть в стране в свои руки, Мента резонно заметила, что знаменитая РАЖА, насчитывающая всего 2000 членов, «для таких целей слишком слабая и вдобавок маоистски-ориентированная организация». Было бы очень здорово, сказала она, если бы женщины действительно взяли власть, «но сейчас мы просто не можем позволить себе роскоши тешить себя подобными розовыми мечтами».

В действительности же женщины Афганистана, для которых даже макияж, запрещенный режимом Талибан, является символом освобождения, имеют несколько иные приоритеты по сравнению со своими западными сестрами. РАЖА, например, чьи члены задокументировали немало зверств Талибана через узкие щели в своих рекомендованных Талибаном уродливых одеяниях, получают поддержку от изгнанного афганского короля. И в то время, как люди Запада видят в этих одеяниях, которые называются «бурка», лишь эмблему женского угнетения, афганские женщины отнюдь не всегда смотрят на «бурка» как на проблему.

«Некоторым женщинам нравится их носить. Это своего рода символ уважения традиций», — поясняет Данишгар. Ее собственная мать зачастую носит «бурка». «Бурка» всегда была деликатной темой, особенно когда Опра Вин-

фрей самолично содрала одну такую с афганской женщины во время перформанса Энслер «Монологи Вагины», вместо того, чтобы дать самой афганской женщине осуществить символическое освобождение своими руками. Для некоторых этот жест Опри стал жестом, символизирующим заносчивость Запада. Даже когда Опра, звезда ток-шоу, выносила вотум недоверия Талибану во время своей телевизионной программы посредством приглашения к себе на передачу представительниц движения РАЖА, это выглядело так же. (Кстати, веб-сайт РАЖА на www.rawa.org не может оставить равнодушными тех, кому близка гендерная проблематика, в частности там представлены оцифрованные видеокadres, на которых запечатлены сцены казни афганских женщин — они-то и впечатлили зрителей Опри больше всего).

Осман, которая закрывает голову шарфом и носит «бурка», рассматривает напряженность на векторе Запад-Восток как укорененную в религиозности. «Мне очень нравятся западные феминистки, — признается Осман. — Однако я только недавно заметила, какие они необразованные». Осман, являясь мусульманкой по вероисповеданию, предложила определение феминистки, под которым могли бы подписаться и многие западные женщины: «феминистка — это такая женщина, которая очень комфортно чувствует себя в своей роли и которая считает, что небо — это предел». Однако, утверждает Осман, «даже сейчас, когда я слышу инвективу наподобие “что это за ислам, который делает ваших мужчин такими?”», я каждый раз мысленно парирую: “что это за христианство, которое делает *ваших* мужчин такими?”».

Без сомнения, многие американки сейчас ощущают нечто вроде гордости за наших героических, просвещенных мужчин. Однако, по иронии судьбы, этот «афганский» кризис, кажется, вскоре инспирирует нечто вроде возврата к традиционным гендерным ролям. Первая жертва прессинга — леди Лаура Буш, главный «шеф-утешитель» Белого Дома, вторая — Пегги Нунан, легкомысленно заявившая: «мужчины возвращаются». «Я говорю от имени маскулинных мужчин, — заявляет бывший помощник Рейгана на страницах “Уолл Стрит Джорнал”, — от имени мужчин, которые дают событиям импульс, которые тянут проекты, которые привносят движение, которые строят».

Конечно, мужчины никогда никуда не уходили. Структуры власти как были, так и остались преимущественно мужскими. Это факт, который был лишь педантирован недавними событиями — всеми этими бесконечными пресс-конференциями по безопасности и не только, на которых присутствовали сплошь одни мужчины. Фактически, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс является одной из всего лишь четырех женщин среди 19 официальных лиц кабинетного уровня. Сейчас всего лишь один из семи членов Конгресса — женщина. Все 23 члена комитета в Палате Представителей — мужчины, точно также, как и в Сенате, где членов 22. И всего лишь шесть из 189 заседателей ООН — женщины.

Между тем, пропорции эти, что не удивительно, склонны деформироваться в еще более невыгодную для женщин сторону в сферах, связанных с военными конфликтами. «После деторождения, военное дело — это вторая область человеческой активности, которая в наибольшей степени склонна к гендерной сегрегации», — утверждает Фелицити Хилл, директор службы ООН «Женская Международная Лига за Мир и Свободу». Возможно, так не должно быть. В прошлом году ООН одобрила резолюцию, призывающую женщин участвовать в принятии решений по поводу мира и войны. Однако, сейчас «война по-прежнему остается областью, безраздельно принадлежащей мужчинам, — говорит Хилл. — Женские голоса попросту теряются, даже когда речь идет о решениях по поводу приоритетов в мирных процессах».

В эти дни достаточно трудно быть вдалеке от политического мейнстрима, тем более это трудно для женщин. Как и многие другие в левом лагере, канадская активистка Сунера Тобани обвиняет США в «развязывании многочисленных войн по всему миру». В отличие от большинства левых, Тобани даже подверглась канадскому эквиваленту гражданского ареста и, что интригует, была завалена порнографией от своих критиков. Канадский госсекретарь по положению женщин Хэди Фрай даже чуть не лишилась должности всего лишь за то, что слушала речь Тобани.

Реакция на статью Сьюзан Зонтаг в «Нью-Йоркере» напоминала настоящую охоту на ведьм. «Нью-Йорк Пост» заявила, что Сьюзан необходимо выпотрошить и четверговать. Письмо, недавно опубликованное в «Манхэттан Олд Таун» на эту же тему, было подписано «Старый Боевой Топор». Статья в «Нью Рипаблик» начиналась словами «Что общего у Усамы бен Ладена, Саддама Хуссейна и Сьюзан Зонтаг?» (из контекста статьи следовало, что общее у них — желание разрушить Америку).

В то время как Сьюзан Зонтаг наблюдала реакцию, выраженную преимущественно в политических терминах, она также заметила и гендерно-маркированные желчеизлияния, очень похожие на те, что сопровождали карьеру Хиллари Клинтон. «Можно было наблюдать глубокое и сильное беспокойство, почти страх. Физическое неприятие женщины, которая умна и вдобавок могущественна», — говорила Зонтаг по поводу ненависти к Хиллари. «Умная женщина вызывает волну негодования и неприятия со стороны множества людей, — добавила Зонтаг. — По какому праву я должна думать, что являюсь исключением?».

Такого рода публичные поношения являются хорошим напоминанием о том, что, несмотря на наличие общего врага, правительство США и феминистки — друзья поневоле. «Все вокруг подвергается манипуляциям ради достижения целей, угодных США, однако права женщин тут совершенно ни при чем», — заявляет Джессика Нойвирт, президент объединения «Равенство Сейчас», которое базируется в Нью-Йорке. «Ясно, что военные США затеяли ин-

тервенцию и свержение режима Талибан вовсе не для того, чтобы решить в Афганистане женский вопрос».

Несоответствие интересов становится все более явственным по мере того, как США начали всерьез рассматривать вопрос о включении «умеренных сил Талибан» в будущее коалиционное правительство и обращаться за поддержкой к тем странам, где по сей день распространено мучительное женское обрезание (Египет), где женщинам запрещено вождение машины (Саудовская Аравия). Наши новообращенные политические партнеры, такие, как Северный Альянс, также вселяют ужас в женщин. Политический лидер группы номер два, Абдул Расул Сайяф, по сообщениям, настолько убежден в неполноценности женщин, что он даже с ними не разговаривает. А Ахмед Шах Массуд, недавно убитый лидер Северного Альянса, лично принимал участие в кампаниях по систематическому изнасилованию, предшествовавших Талибану.

«Единственная разница между преступлениями, которые совершили Талибан и Северный Альянс, состоит в том, что Талибан официально огласил те ограничения, которые накладываются на женщин, а Альянс этого еще не сделал», — пояснила одна из представительниц РАЖА, пожелавшая остаться неизвестной. «Северный Альянс совершил великое множество преступлений против женщин — это и изнасилования, и принудительные браки. Женщины боялись даже выходить из дому, когда территории были под их контролем», — добавила она, имея в виду период с 1992 по 1996 год, предшествовавший захвату власти в Афганистане движением Талибан.

И вновь теперь активистки движения РАЖА, основанного в 1977 году, пытаются привлечь внимание к жуткому положению женщин, однако лишь немногие прислушиваются к тому, что они говорят. Представительницы РАЖА высказывают обоснованную тревогу по поводу того, что следующее правительство в их стране будет таким же враждебным женщине, как и ему предшествовавшее. Возможно, здесь и проявляются пресловутые культурные различия, но, не исключено, Смил из «Феминистского Большинства» излишне оптимистична, когда утверждает, что нынешняя катастрофа в Афганистане способна изменить что-либо в жизни афганских женщин к лучшему. «В следующий раз, когда женщины будут высказываться на международные темы, их будут слушать, — с надеждой заявила Смил. — Кредит доверия к нам будет только расти».